

КРИМИНАЛЬНЫЙ РОМАН

КРЕСТ

КОГДА
НА КОН ПОСТАВЛЕНА
ЖИЗНЬ

РАВИЛЬ ВАЛИЕВ

Криминально-психологический роман

Равиль Валиев

Крест

«ЭКСМО»

2020

Валиев Р.

Крест / Р. Валиев — «Эксмо», 2020 — (Криминально-психологический роман)

ISBN 978-5-04-113522-5

По стечению обстоятельств Матвей оказывается в самом эпицентре криминальных разборок. Ему удастся уцелеть, более того, он неожиданно становится обладателем крупной суммы бандитских денег. Спасаясь от преследования, Матвей бежит из города в глухую деревню. Там он понимает, что попал на родину своего отца, о которой много слышал в детстве. Постепенно молодой человек осознает, что родители скрыли от него настоящую правду об их семье. Матвей решает докопаться до истины. Он еще не знает, какие страшные события ждут его в скором времени...

ISBN 978-5-04-113522-5

© Валиев Р., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Пролог	5
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	21
Часть вторая	25
Глава 1	25
Глава 2	28
Глава 3	30
Глава 4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Равиль Валиев

Крест

Пролог

Все было не так! И работа эта, будь она неладна, и возвращение в родной город... Все как будто бы выкраивалось из частичек вселенского пазла только лишь для того, чтобы Матвей закончил свою жизнь в этом старом цехе никому ненужного и заброшенного завода.

За чужие деньги и чужую ответственность... Он с ненавистью посмотрел на сумку, лежащую у его ног. Хотел ее пнуть, но, услышав какой-то шорох в стороне, напрягся и выглянул из-за кучи битого кирпича, за которой прятался.

Цех, в который угораздило попасть Матвею, был огромен. Он состоял из какого-то невероятного количества помещений, пристроек, лестниц и ответвлений. И все это было разрушено настолько основательно, что Матвей, даже в своей незавидной ситуации, возмущенно думал: «Как на вражеской территории, в самом деле».

Выврано и вынесено было абсолютно все. Матвей не был знатоком конструкций подобного рода заводов, но еще по детским воспоминаниям, а было время, когда отец брал его с собой на работу, помнил большое количество грохочущих станков, пучки толстенных кабелей на стенах и огромные вентиляторы. А еще смешные, почти игрушечные электрокары, снующие в суете производства. Которые так понравились маленькому мальчику Матюше, прячущему ладошку в надежной отцовской руке.

Теперь от этого всего остались только память, голые стены и перерытые полы.

Матвей, в своем паническом бегстве, влетел в это помещение и рухнул за внушительную кучу строительного мусора, опасно нависающей над глубокой траншеей с разрушенными кирпичными стенками. Судорожно перевел дыхание и с облегчением откинулся на спину.

Глядя в высокий выщербленный потолок, он заново прокрутил в голове все факты сегодняшнего дня, которые, стоило это признать, связывались в столь плотный узел, что разрубить его могло только божественное провидение. Которое что-то не спешило проявлять себя...

Неожиданно Матвей уловил тихий, на грани слышимости разговор – слух истончился до такой степени, что ему казалось, что он может услышать звук пролетающей в десяти метрах мухи. Осторожно вытянулся и выглянул поверх кирпичной насыпи. А вот это стало роковой ошибкой – своим движением он нарушил неустойчивое равновесие, сохраняющееся здесь годами. Вся мешанина строительного мусора опасно зашевелилась, и Матвей, раскинув руки, прижался к поверхности, пытаясь остановить движение. На секунду ему показалось, что это удалось, но тут его правая нога внезапно потеряла опору. Чтобы удержаться на крутом склоне он схватился за выступающий кусок бетона, но тот, предательски вывернувшись, с грохотом покатился вниз, рождая небольшую лавину. Матвей сдался и, оседлав поток, в клубах пыли, сполз на самое дно канала. Следом, с остатками мусора, словно верный пес, приехала сумка.

Едва стих стук последнего скатившегося камешка, Матвей замер, нервно прислушиваясь к звукам. Было поздно – шаги преследователей стали приближаться. А то, что это были именно они, он убедился тотчас же – недалеко раздался картавый крик главаря.

– Ну чё там, Петруха?

Петруха, после паузы ответил, оказавшись настолько близко от Матвея, что тот вздрогнул.

– Да здесь он где-то! Притаился, скотина!

Матвей похолодел. Страх вновь начал туманить его сознание. Он в панике огляделся.

Канал уходил к дальней стороне цеха и там делал резкий поворот. Что было за ним Матвей даже не догадывался. А вот другой его конец, куда он как раз и угодил, оканчивался почти отвесной насыпью. И голос крепыща доносился именно оттуда. Ситуация становилась все более тупиковой.

От беспомощности закружилась голова. Он в отчаянии схватил кусок того самого вероломного бетона, оценивательно подбросил на ладошке и откинул в сторону. Его блуждающий взгляд упал на остаток кирпичной стены, из которой многообещающе торчал кусок рифлёного металлического стержня, толщиной с большой палец его руки.

Не веря себе и боясь спугнуть наступившую тревожную тишину, он осторожно взялся за покрытую коркой ржавчины арматуру и сильно дернул. Но его ждало жестокое разочарование – проклятый кусок металла неожиданно крепко сидел в растворе, зажатый кирпичами.

Он несколько секунд оглушенно смотрел на него, не веря в случившуюся несправедливость. Сейчас для Матвея в этом металлическом стержне воплотилось все его понимание безопасности – это был и меч-кладенец, и автомат Калашникова, и даже его потерянная в бою пресловутая бита. Только они могли спасти его от неминуемой смерти.

Краем сознания, еще сохранившим трезвость мышления, Матвей четко оценивал всю абсурдность своих ожиданий – против трех пистолетов в умелых руках нет никаких шансов. И не было бы даже у супергероя Стивена Сигала, освобождающего авианосцы в одиночку.

Матвей осознавал это, но ничего не мог поделать с древними инстинктами, твердящими о том, что добро должно быть с кулаками. «А в нашем случае – с арматурой» – вконец разозлившись, он начал выворачивать из стены этот сомнительный символ возмездия.

Меж тем, изрядно приблизившийся главарь картаво вещал в пространство, явно имея в виду, что Матвей его слышит.

– Слышь, мужик! Ты не очкуй! Отдай нам сумку – и мы тебя отпустим! На хрен ты нам сдался! Этот жмур сразу бы отдал – тоже жив был бы!

Матвей, ни на секунду не отвлекаясь, еще энергичней расшатывал стержень. Сдаваясь его усилиям, тот, миллиметр за миллиметром все же начал высвобождаться из своего места.

– Хочешь – оставь ты эту сумку, где-нибудь на видном месте, а сам вали! Ты нам не нужен! – продолжал разоряться главарь. – Ты ведь не думай, мужик! Мы ведь не какие-то там мокрушники! А с корефаном твоим рамс получился – нам ведь только сумка нужна... отдал бы он ее – и домой бы поехал... а, мужик? А у тебя есть еще шанс!

В конце концов Матвей вложил все силы в последний рывок и вырвал-таки этот меч короля Артура из стены!

Но тут случилось то, чего он никак не мог ожидать – часть кладки, расшатанная его лихорадочными движениями, начала на глазах разрушаться!

Старый раствор больше не сдерживал кирпич от оков гравитации, и вся стена, с грохотом, испугавшим его до полусмерти, рухнула вниз. При этом, едва не засыпав ошеломленного Матвея. Огромный клуб пыли и праха взметнулся до потолка цеха, затмив дневной свет, слабым потоком струившийся из разбитых окон под потолком. И в этом облаке, мгновенно облепившем все вокруг серым саваном, зацокали пули, высекая искры из осколков кирпича.

Матвей вскочил и, закинув сумку за спину, пыльным дьяволом рванул по дну канавы. К его невероятной удаче, за поворотом оказался вполне удобный подъем, выводящий к проему следующего цеха. Последнее, что он услышал за спиной – крик главаря в пыльном полумраке.

– Хорош, братва!!! Не стреляйте! Другу друга уложите! Никуда он не денется.

Часть первая

*Уезжай, уезжай, уезжай,
так немного себе остается,
в теплой чашке смертей помешай
эту горечь и голод, и солнце.*

Иосиф Бродский

Глава 1

Сознание возвращалось медленно, исподволь. Сначала появились тактильные ощущения – кожа почувствовала прикосновение простыни, легкий сквозняк шевелил волосы на голове. Затем возник звук – монотонный шелест, который необоримо тянул сознание обратно, в омут сна. Но именно этот назойливый шум заставлял непроснувшийся мозг отождествлять раздражение. Это было трудно – попытки вырваться из сладкого плена приводили только к еще большему погружению в его глубину.

Затем в набор вялых чувств резко вошел запах. Словно нож, он сразу и бесповоротно отсек сон от бодрствования. Пахло оладьями. Чудесными, ароматными и только такими, какие делает мама... Мама, мамочка.

Матвей потянулся и открыл глаза. Реальность сразу же расставила все по своим местам. Монотонный звук, так раздражавший сонный разум, оказался шумом капель, бьющего в окно дождя – в открытую форточку порывами задувало прохладным, влажным воздухом. Из-за закрытой двери доносились негромкие звуки и тихий женский напев. Матвей поежился, еще плотнее закутался в тонкое одеяло и, окончательно проснувшись, огляделся.

Господи, какое все вокруг привычное и родное! В полумраке рассвета он рассмотрел старый ковер, висящий на стене. В детстве это была огромная карта таинственного и обширного мира, неведомая никому кроме него. Маленький Матвей видел там загадочные острова, широкие проливы и скрытые дороги. Тысячи историй, интересных и захватывающих рождались в его голове, пока он вот так же лежал в утреннем томлении, ожидая когда мама, а чаще это все же был папа, позовут его завтракать. Открывалась дверь и в проеме возникала широкая фигура отца, в неизменном своем синем трико и майке – обычная его домашняя одежда. Пока Матвей был совсем маленьким, отец подходил к кровати, садился на край и начинал щекотать его. Матвей как мог уворачивался, сердился, но все заканчивалось его счастливым смехом и капитуляцией на руках отца. Когда он подросток, отец оставался в дверях и нарочито строго приказывал:

– Боец Подгорный! Пять волшебных дел зовут тебя!

Это была их игра – «Пять Волшебных Утренних Дел Настоящего Мальчика». Встать, сходить в туалет, умыться, позавтракать и почистить зубы. Потом было много других дел: зарядка, сборы в садик, потом в школу, а затем и в институт. Но эти пять дел были главными в любое утро...

Матвей повернулся на бок, пружины возмущенно скрипнули под его весом. Ну да – для его нынешних, почти девяноста килограммов старая подростковая кровать была слишком слаба. Он еще раз сладко потянулся и резко сел. Взглядом поискал одежду, взял джинсы и не вставая натянул их. Это словно стало сигналом – дверь открылась, и в проеме появилась мама.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Мамочка... Постаревшая, ставшая такой маленькой... но с такими же любящими и родными глазами. Матвей вскочил и крепко обнял ее. Большой, широкоплечий мужчина бережно держал в руках хрупкую пожилую женщину. Он осторожно провел рукой по седой голове, вдохнул запах ее волос и с нежностью произнес:

– Мамочка...

Женщина прижалась головой к его груди, обняла за талию. Несколько секунд они стояли так, обнявшись.

Затем она резко отодвинулась, ее глаза округлились. Быстро развернулась и с криком «Оладушек!» метнулась из комнаты. В ноздри ударил резкий запах подгоревшего теста. Матвей выдохнул, прикрыл глаза и счастливо засмеялся. Он был дома...

С тех пор как он открыл глаза, его не отпускало странное чувство. Не прошло еще и десяти часов, как он, усталый после перелета и поездки из аэропорта, бросил сумку в прихожей. Обнял мать, принял душ, с удовольствием поужинал и завалился спать. Проснулся – и вдруг, все что с ним происходило до этого потеряло всяческие краски. Как будто он вспоминает прочитанное, пережитое не им. Вот сейчас он стоит в коридоре родной квартиры, слышит голос мамы из кухни, вдыхает привычные запахи – и как будто не было всех этих лет. Не было долгих лет в институте, конвульсивных поисков работы после. Все сложилось в серую и скучную картину, полную странных событий. Черда театров, знакомство с Натальей, какая-то торопливая свадьба, рождение Антошки, найденная работа, совсем не интересная ему... Только тоска по сыну была настоящая.

Сейчас было такое чувство, будто бы только сегодня он по-настоящему проснулся, а все, что с ним происходило, было мороком – марой, как говорила Наталья. И никуда он не уезжал, а так и жил в родительском доме, окруженный любовью мамы и надежной защитой отца.

Матвей потряс головой, провел рукой по волосам. Глянул в зеркало, висящее в полутемном коридоре. Увы, вот вам и доказательства. Из мутного стекла на него смотрел высокий мужчина. Прямая спина и развернутые плечи могли обмануть кого-либо на первый взгляд, но усталые глаза, залысины на лбу и мелкие морщины безжалостно выдавали весь принадлежащий ему «сороковник».

– Вот так, старина, годы... – тихо сказал Матвей отражению и невесело усмехнулся, – увы... пойдем уж совершать «Пять Волшебных Утренних Дел Настоящего Мальчика»...

Уже полностью рассвело, и дождь как-то тихо и незаметно закончился. В открытое окно вливался шум города, щедро приправленный оглушающим чириканьем воробьев и сладострастным воркованием голубей. Матвей, посвежевший после душа, сидел за маленьким кухонным столом, и глядя то в окно, то на плиту, уминал мамины олады.

Светлана Николаевна, раздумывая и счастливая хлопотала у плиты. Ее руки, как перчатками покрытые слоем муки, привычно скатывали шарики из теста, хлопком сплющивали их и оправляли на шипящую сковородку. Маленькая, тесная кухня несколько не сковывала ее движений. И совершенно не мешала ей разговаривать. Матвей привычно включился в поток маминой беседы, периодически вставляя требующиеся по смыслу междометия. Он знал, что для мамы весь этот утренний процесс кормления «своих мужиков» был сродни медитации для иных йогов.

Работая и разговаривая, она настраивала себя и окружающих на принятие нового дня, на осмысление и анализ дня минувшего. Такая вот древняя женская магия. Матвей знал это и, принимая, включался в так нужный ему сейчас ритм.

Наконец Светлана Николаевна сняла последний оладушек, положила на тарелку и присела на табурет. Вытирая руки полотенцем, внимательно посмотрела на слегка ослонившего Матвея.

– Похудел как сыночек, кожа да кости...

Матвей усмехнулся, похлопал по округлившемуся животу, иронично протянул.

– Да уж, мам... похудел...

Он откинулся на спинку стула, потянулся. Взгляд его уперся в висящую на стене, среди грамот и дипломов, фотографию отца. Матвей погрузился. Мать, проследив за его взглядом, опустила глаза. Матвей тихо спросил.

– Как папа?

Светлана Николаевна, как-то уж совсем незнакомо, по старушечьи подперла ладонью щеку.

– Ох-хо-хо, сынок... – так же тихо ответила она, – врачи говорят – на этот раз выкарабкался, но как будет в следующий раз никто не знает... ты когда к нему?

Матвей сгорбился, уставился на свои руки. Затем взял ложечку и начал помешивать почти допитый чай. Магия чудесного утра улетучилась. Все сразу стало слишком резким, громким и тягостным. Сразу вспомнились причины заставившие его приехать- налагающиеся друг на друга, вытягивающие из него последние силы. Болезнь отца, сложности в отношениях со своей семьей, отсутствие смысла жизни, да много еще... Матвей глухо, не поднимая глаз произнес:

– Да сейчас и поеду... позавтракаю и вперед... – он несмело поднял глаза, – мам... я у вас поживу пока?

Мама с легкой грустью посмотрела на него. Вздохнула сочувственно.

– Что, совсем плохо?

Матвей вздохнул и неохотно ответил, глядя в сторону.

– Да не так что бы уж совсем... только нам нужно отдохнуть друг от друга...

Мама слегка наклонилась, ловя его взгляд. Мягко, но настойчиво спросила:

– А Антошка-то как?

Матвей вздрогнул. Этот вопрос разом всколыхнул в нем массу чувств – и обиду, и тоску, и боль, и непонимание. Перед глазами возникла и пропала картинка – маленький, наверное, лет трех Антошка, уронивший на себя детский столик, сидит в углу и тихо плачет. В поднятых на него карих глазенках – неизбежное детское горе. Матвей сглотнул слюну, поднял на мать глаза и, скорее, доказывая себе, чем ей, быстро заговорил.

– Я им денег оставил... там ее мама, родные... не дадут пропасть. А Антошка... я ведь не навсегда, поживу тут, может, работу какую найду... опять же связь есть – по интернету можно общаться... просто мам... там, – он спешил и проглатывал слова, торопясь передать маме всю свою боль, – вообще трудно... работы для меня нет, все косо смотрят – сижу, дескать на шее у тещи... а я не виноват. Культура сейчас никому не нужна, режиссеров как собак нерезанных... а по утренникам работать, душа не позволяет...

Он остановился, наткнувшись на невеселый мамин взгляд. Отвел глаза и глухо закончил:

– Да ладно – справлюсь. Как вы тут поживаете?

Мама еще раз вздохнула и нежно погладила его по руке. Тихо, почти шепотом сказала, покачав головой:

– Ладно, Матюша... ты большой мальчик, думаю, сам разберешься.

Она встала и начала собирать посуду. Матвей исподлобья следил за ней. Но Светлана Николаевна вновь включилась в свой волшебный процесс, и он расслабился. Как ни в чем не бывало мама продолжала:

– Да все так же, сынок – живем потихоньку. Отец все по дому копается – за балкон вон взялся, хочет мне там цветник устроить... Лиза со своим Петькой живут – то дружно, а то и ругаются. Как у всех, в общем... Звонила вчера – завтра приедут, соскучилась, говорит, по брату...

Матвей откинулся на спинку и прикрыл глаза. Журчание маминого рассказа перемешалось со звуками осеннего утра за окном. Стало очень легко и пусто. Что-то, теперь совсем неважное уходило, оставляя внутри полную пустоту. Готовую заполниться чем-то необъясни-

мым. Это ожидание для него было всегда слаще всего. Однажды, совершенно неожиданно для себя, он испытал подобное чувство придя в церковь.

Внешне набожная семья его жены истово исполняла все обряды православной веры. Ну или им казалось, что все. Периодические попытки заманить его в ближайший храм он отметал, мягко как мог. Он не был атеистом, был даже крещен и по-своему верил в Бога, пускай Он ему казался далеким и не связанным с его жизнью. Как бухгалтерия в театре – Матвей знал, что она есть, но не пересекался с ней никогда... Но вот их, такая показная, вера ему претила.

И вот, как-то в начале зимы, проживая свой очередной неудачный период, он сам не зная как, оказался перед воротами небольшого храма. Не того – огромного и сверкающего, покрытого позолотой, с кучей дорогих машин на парковке, куда так любили ходить его новые родственники, а маленькой, сделанной из частного дома церквушки.

Тоскливо бродя в поисках спокойствия по обледенелым улицам города, он случайно забрел на какую-то глухую площадь. Вокруг стояли покосившиеся двух- и одноэтажные дома, очень старые и обветшалые – такие районы еще чудом и нерасторопностью местных чиновников сохранились на рабочих окраинах города.

Промозглый ветер гнал по пустой улице мусор, кисло пахло печным дымом. Солнце изнеможенно склонилось к закату и в некоторых окнах зажглись тусклые огни. Матвей поежился, поднял воротник и поплотней запахнул плащ. Спросить дорогу было решительно не у кого – рядом не было ни остановки общественного транспорта, ни какого-либо завалящего магазина. Лишь на углу стоял небольшой павильон с надписью «Прием стекла», но и он, как видел Матвей, был закрыт на огромный висячий замок.

Внезапно в боковом проулке мелькнула тень человека, и Матвей решительно шагнул в его сторону. Человек распахнул дверь одного из низеньких домов, стоящих рядком вдоль улицы, и вошел внутрь. Дверь за ним стала закрываться, и Матвей отчаянно и громко крикнул.

– Э-ээ... товарищ, подождите!

Человек остановился и широким, ярко освещенным силуэтом ожидал в наступающем сумраке. Матвей, запыхавшись, подошел ближе и, прикрываясь рукой от бьющего в глаза света, начал сбивчиво объяснять.

– Понимаете, я заблудился! Не могу понять – как мне выбраться отсюда! Подскажите пожалуйста!

Человек помолчал, затем густым басом, непонятно и мудрено, произнес.

– От себя не уйдешь, мил человек! А любой другой путь приведет тебя к Богу.

Матвей поперхнулся и спросил недоуменно.

– Простите, что?

Человек отодвинулся. Приказал.

– Входи!

Матвей, не без сомнения, шагнул в узкий коридорчик и только тут разглядел собеседника. Коренастый мужчина, облаченный в черную монашескую рясу. В дремучих глубинах бороды, лежащей на бочкообразной груди, поблескивал желтизной большой крест. Из-под кустистых бровей на Матвея испытующе смотрели добрые карие глаза. Матвей оторопел и, запинаясь, пробормотал:

– Простите, батюшка... я вот...

Батюшка усмехнулся, развернулся и пошел вперед по коридору. Оглянувшись, добродушно проговорил.

– Бог простит! Заходи коли уж пришел... и дверь запри за собой.

Матвей торопливо закрыл дверь. На улице окончательно стемнело, и порывистый ветер стал невыносимо холодным. Он прошел коротким коридором и вслед за священником вошел в комнату.

К его удивлению, комната оказалась храмом. Прямо перед ним светился в полумраке иконостас, а в ее центре, на поставке, отражала мягкий свет свечей икона Христа. Матвей резко остановился, рука непроизвольно сложилась в Христов символ, и он неуверенно осенил себя знамением. Батюшка одобрительно оглянулся на него и по-хозяйски начал собирать огарки свечей.

А Матвей благоговейно замер. Запах ладана, тепло горящих свечей, уютный полумрак и тихое бормотание батюшки неожиданно произвели на него потрясающий эффект – дыхание перехватило, на глаза навернулись слезы. Из полутемного угла на него, ласково и мягко, смотрела Богородица. Колеблющееся освещение создавало полное впечатление ее живых глаз.

Стальной стержень, в последнее время державший в напряжении все его существо, исчез и все, что составляло его жизнь за дверью храма, рассыпалось в труху. Он застыл, так и не войдя внутрь. Не хотелось ни двигаться, ни дышать. Только стоять вот так и пропускать через себя все это струящееся спокойствие.

– Благодать божья... – тихо сказал незаметно подошедший батюшка.

Он серьезно и внимательно смотрел на Матвея. Матвей посмотрел в глубину его глаз, обрамленных сеточкой морщин и увидел в отражении себя – маленького растерянного мальчика, раздавленного непонятным и тревожным миром. И столько сочувствия и понимания было в глазах батюшки, что Матвей неожиданно для себя разрыдался. Батюшка обнял его и, похлопывая по спине, тихо успокаивал.

– Поплачь, сынок, поплачь... Бог по-разному входит в нас...

Матвей рыдал, жалея и себя, и свою несложившуюся жизнь, рыдал от обиды и разочарования. Рыдал и не понимал, что с ним происходит. Взрослый мужик, в непонятном районе, в загадочном доме, стоит и плачет на груди незнакомого мужчины! Однако при всей нереальности происходящего, Матвей понимал – с ним происходит что-то важное. И вместо серого железобетона действительности перед ним начала проявляться другая сторона жизни, давно забытая и, казалось бы, похороненная на дне его души... Он выплакивал всю несправедливость, происходившую с ним последнее время, он выпускал в мир несбывшиеся мечты и ожидания, а взамен впускал... что?

Он последний раз всхлипнул. Смущенно отодвинулся от батюшки. Тот заботливо заглянул ему в глаза, покачал головой и отступил на шаг. Матвей развернулся к иконе Христа и трижды истово перекрестился.

Он уже и не помнил, что вошло в него в тот день. Но необъяснимое спокойствие и уверенность в будущем осталось с ним с этого странного вечера.

Они еще долго сидели с батюшкой в полумраке его кельи, пили душистый чай вприкуску с медом и черствоватыми булочками и говорили, говорили... Обо всем сразу и ни о чем... Ему было уютно, тепло и... душевно. Именно так для себя определил это состояние Матвей – душевно. И пусто. После сброшенного напряжения, он чувствовал себя ч у дно – от немного стыдной для него истерики не осталось и следа. Как актер он знал что происходит. Напряжение и сброс. Ему казалось, что уж это-то он знает на отлично, ноэто тоже оказалось ошибкой. Ничего, оказывается, по-настоящему он и не испытывал до этого. Так, очередной суррогат.

Потом была та же самая, давно опостылевшая жизнь с вечными московскими проблемами – работа и деньги.

Но осталось в сердце эта уютная часовенка и этот свободолобивый и умнейший батюшка, высланный на окраину за своеволие. Который так и не сказал – как жить...

Матвей хранил это воспоминание в дальней кладовой своей памяти. И иногда, когда совсем накатывало, доставал его, сдувал пыль и тихо наслаждался им. И ждал – чего-то волшебного и необычного, которое обязательно должно было случиться...

– Сынок! – голос мамы вырвал Матвея из задумчивости. Сознание вновь наполнили звуки и ощущения домашнего утра. Светлана Николаевна тревожно заглядывала сыну в глаза.

У Матвея закружилась голова – переход из воспоминаний к реальности был слишком резок. К тому же мамыны глаза смотрели точно с такой же добротой и сочувствием, и на мгновение оба этих лица соединились в одно бесконечно любящее его существо. «Бог, мой...» – мелькнула мысль и пропала. Матвей встряхнул головой, успокаивающе улыбнулся.

– Все в порядке, мам... задумался просто...

Он встал, чмокнул маму в щеку и, выходя из кухни, крикнул:

– Спасибо, мамуль! Очень вкусно!

Светлана Николаевна улыбнулась и уже в спину спросила Матвея:

– Ты чай еще будешь?

Матвей развернулся, схватился за турник в проеме двери, который давным-давно соорудил для своих детишек отец Матвея, подогнул колени и повис на нем. Дверная коробка угрожающе затрещала. Матвей слегка подтянулся. Сдавленно пробормотал:

– Не... – он встал на ноги и с сомнением посмотрел на свои руки. Пожал плечами, – я к папе поехал, ты что-нибудь будешь передавать ему?

Мама покачала головой.

– Сейчас соберу, сынок... – неожиданно стукнула себе ладошкой по лбу, – вот дура старая! Забыла! Тут с утра тебе уже Сережка звонил – просил тебя ближе к вечеру ему позвонить...

Лицо Матвея расплылось в довольной улыбке. Он по-кошачьи прищурился:

– Серый...

Глава 2

Неугомонный город не хотел успокаиваться. Схлынули, казавшиеся бесконечными пробки, улицы опустели, а воздух посвежел и разогнал дневную хмарь. Состав прохожих кардинально изменился – вместо сцементированного потока серьезных и суровых менеджеров, вечно спешащих по городским своим делам, появились небольшие группки смешливой молодежи, флиртовали влюбленные парочки, мамы катали своих малышек...

Матвей, чертыхаясь и ругая Серого, назначившего встречу именно здесь, пробирался по забитой под завязку автостоянке возле нового торгового центра «Астория». Солнце давно уже село, а огромную площадь освещало только несколько слабеньких фонарей и свет фар паркующихся автомобилей. Игра света и резких теней создавала иллюзорную картину, в которой совсем терялась ориентация несовершенного человеческого зрения.

Глубокие тени, таящие в себе неприятные сюрпризы, то и дело предьявляли свои права на разные части тела Матвея. Он то ударялся коленкой о незамеченный столбик ограждения, то вмазывался бедром в торчащее зеркало машины и каждый раз опуская ногу, терялся в неизвестности – какой сюрприз ожидает его еще.

Неожиданный и резкий порыв ветра обдал его влажной волной. Начал накрапывать легкий дождик. Матвей наконец вышел на свободную площадку и растерянно оглянулся. Он совсем заблудился в этом стойбище лоснящихся автомобильных туш. Вокруг, куда хватало глаз, рядами стояли неузнаваемые в резком свете фонарей средства передвижения, всегда находящиеся за гранью выживания российских граждан. Это была конечно не Москва, но среди машин Матвей не видел ни одного «Жигуля» или иного представителя российского автопрома. Сплошь иномарки.

Матвей на секунду задумался – вот ведь странная до иезуитства вещь. Казалось бы, из каждого утюга сообщают о падении уровня жизни россиян, о кризисах, волнами накатывающих на страну, о цене на бензин, в очередной раз перешедшей психологическую грань. Но это несколько не влияет на желание соотечественников передвигаться на собственном автомобиле. И непременно импортном. Хотя само понятие импортное, в связи со сборкой мировыми автопроизводителями основных своих моделей в России давно уже стало проходным. И тем не менее люди находят деньги и на покупку, и на содержание своих железных коней. Люди беднеют, машины становятся дороже, но все странным образом совпадает в их желаниях.

Матвей давно уже не имел своей машины – хватало и тестевой старенькой «Тойоты», на которой они по очереди ездили на дачу. Да и не чувствовал он нужды и желания торчать в изматывающих пробках Москвы. Как-то так складывалось, что особо передвигаться по городу ему не было нужды – все необходимое находилось рядом...

Эх, Измайлово... При всей своей, честно сказать не очень крепкой любви к Москве, Матвей трепетно относился к двум ее районам – наполненному московским волшебством Останкино и зеленому, доброму Измайлово. И если в Останкине он любил просто гулять, особенно теплой ранней осенью, когда земля покрывается густым слоем павших дубовых листьев, а в воздухе ощущается тот тонкий, почти уловимый аромат старой Москвы, то в Измайлово он чувствовал себя просто дома. Выйдя из метро, проходил по узким, зеленым улочкам и попадал на Первомайскую улицу, где всегда останавливался, замороженно глядя по сторонам. Неширокая и тихая, застроенная разномастными домами всех времен и эпох, разделенная ровно наполовину двойным лезвием трамвайных путей она каким-то волшебным образом переносила Матвея совсем в другое место.

Не становилось шумной, суетливой Москвы, глож ее вечный гул, исчезало ощущение давления многих человеческих душ. И в наступившей тишине появлялась усадьба боярина Никиты Романовича Захарьина-Юрьева, брата Анастасии, первой жены Ивана Четвертого.

Которого позже нарекут «Грозный». И еще деревенька вокруг – сонная, дремлющая в полудневной жаре.

Именно отсюда и пошел знаменитый российский род Романовых, тех самых, императорских. Владеющих этой самой деревенькой вплоть до перехода ее в Царский приказ.

Был еще Измайловский остров на Серебряно-Виноградном пруду, где юный Петруша, будущий основатель русского флота, на маленьком ботике совершал свои первые плавания. Этот ботик он бережно сохранил и даже перевез его в Санкт-Петербург. И называл не иначе как «дедушка русского флота».

Все это было в восторженных глазах Матвея. И даже каким-то неведомым образом проявлялось в современном бестолковом облике этого района. Москва для него всегда была местом соединения несоединимых понятий.

В этом районе Матвей и жил последние годы, стараясь без нужды не выезжать за границы столь любимого им места. Собственно говоря, это было нетрудно – дача тестя находилась недалеко. Сразу за МКАД существовал поселок Восточный, где в Горенском лесопарке так любили гулять Матвей с Антошкой.

Все это мелькнуло и пропало из озабоченной Матвеевой головы. Становилось все прохладнее, и он начал замерзать в тонкой куртке. Еще раз растерянно оглянувшись, он с облегчением заметил надпись на металлическом щите – «Линия 7. Проход к Центру». Сгорбившись и засунув руки под мышки, двинулся в нужном направлении.

Перед самым выходом со стоянки, где стояли совсем уж дорогие машины, в кармане Матвея зазвонил телефон. Мельком глянув на незнакомый номер, он поднес трубку к уху.

– Алле? Слушаю!

После небольшой паузы из динамика, раздался тихий, приглушенный голос.

– Ты принес деньги для выкупа? – и добавил уже совсем зловеще: – Если нет – мы уьем твоего друга...

Матвей с сомнением отодвинул трубку и еще раз глянул на номер. Неуверенно пробормотал.

– Ладно, Серый... хорош прикалываться...

Непонятность происходящего рождало неприятное чувство в животе. Из трубки тем временем жестко продолжали:

– Сергей в наших руках! А его жизнь – в твоих... Медленно повернись... так. Покажи руки...

Неожиданно для самого себя Матвей понял, что боится. Сюрреалистическое ощущение – внешняя обыденность окружающего мира и грозные, невозможные слова из телефона. Наверное, это происходит не с ним? Откуда это ощущение одновременно пустоты и холодного липкого комка внутри? Он – просто человек, идущий на встречу к однокурснику. Никогда не имеющий проблем с полицией и властями. И все же – какая-то мелкая, виноватая часть его естества задрожала и эта противная, стыдная дрожь передалась всему его телу.

Он медленно повернулся и увидел свое растерянное отражение в тонированном окне стоящего на обочине автомобиля. Матвей не успел разглядеть марку машины, да и было совсем не до того. Презирая себя, он протянул руки вперед. Стекло медленно поехало вниз.

Из темной глубины салона на Матвея выдохнул клуб табачного дыма и густой смех. Еще ничего не понимая, он нагнулся и заглянул внутрь.

На заднем сиденье, тесно сомкнувшись сидели друзья Матвея – Серый, Ганс и еще кто-то, неузнаваемый в полумраке. Увидев их смеющиеся рожи, Матвей с шумом выдохнул долго сдерживаемый грудью воздух и помотал головой.

– Вот балбесы...

Смеющийся Серый, огромный и уже основательно пьяный, высунулся из окна и, тыча пальцем в грудь Матвея, заревел.

– Матюха! Ты лох!!!

Было так радостно видеть эти родные лица. После пережитого напряжения пришло ослабление – Матвей с силой обнял вылезшего из машины Серого и довольно болезненно двинул ему в бок, тот осекся, охнул, но продолжал смеяться.

Бар «Мясникофф» был полон. Клубы серого табачного дыма, иногда пахнущего совсем не табаком, постоянно перемешивались бродящими туда-сюда суетливыми посетителями. Громкая музыка, в стандартном для таких питейных заведений репертуаре, то и дело прерывалась громким смехом многочисленных компаний, сидящих в отделенных друг от друга тонкими перегородками кабинках. Взмыленные официанты, в форменных передниках, ловко уворачиваясь от не совсем трезвых клиентов, разносили в больших стеклянных стаканах пиво и немудреные закуски.

Было понятно, что в это место, во всей своей красе пришла та самая, так ожидаемая некоторыми слоями нашего общества, «пьяная пятница». И встречали ее люди самых разных классов и сословий. Компания «белых воротничков» тесным кружком сидя вокруг сверкающего кальяна, по очереди причащались к его сладкому дурману. Откровенно гопотистая банда, в спортивных костюмах, накачивала себя пивом, под столом доливая «беленькой». Туда тревожно поглядывал стоящий у выхода здоровенный вышибала, безошибочно угадывая причину будущих проблем.

Компания Матвея заняла самый дальний столик. Уже было выпито немало, и разговор прихотливо плутал вокруг да около, постепенно приобретая явственную круговую циркуляцию. Матвей, блаженно откинувшись на спинку дивана, по старой своей режиссерской привычке, сквозь дым наблюдал за людьми. Глядя на размытые лица, пытался угадать их явные и тайные стремления и желания. Этому его научила жесткая муштра театрального института-актерская школа Мастера, который требовал от своих студентов историй обо всех встреченных людях, разгадывая и разбирая на занятиях их тайный мир. Матвей только много позже понял и оценил этот драгоценный подарок – умение видеть живых людей, чувствовать их миропонимание.

Он увидел Серегу, который, подобно ледоколу, пробивающемуся через льды, разрезал своим массивным телом суету бара. В его мощных лапах были зажаты кружки с пивом и пакеты со снэками. Недолгий его путь закончился у псевдокожаного диванчика, куда он с шумом и плюхнулся, создав тектоническую волну, слегка подбросившую тощего Ганса. Тот возмущенно икнул, едва сумев спасти свою кружку с пивом. Серега заржал, выставил драгоценный груз и успокаивающе хлопнул Ганса по узкой спине.

– Жрать тебе надо больше, Ганс! А то высохнешь совсем! Кожа да кости...

Ганс скривился, глотнул, с наслаждением выдохнул.

– Да жру я... Кость у меня, того – тонкая!

Серый с сомнением оглядел его, хмыкнул.

– Ну да... кость тонкая. Зато рот резиновый – ты чего на пиво насел?

Ганс придвинул к себе принесенную кружку, сдул пену и через ее край хитро посмотрел на Серого.

– Пиво есть жидкий хлеб, и надлежит его употреблять при всяком возможном случае, дабы не приводить тело свое в истощение!

Дробно захихикал. Серый озадаченно округлил глаза и после паузы неуверенно спросил:

– Это откуда?

Ганс довольно хрюкнул в кружку и поднял лицо с нарисованными пивной пеной усами. Радостно проорал.

– Ганс святой Равноапостольский! Уложение о питии 18 года!

Был он сейчас невыносимо смешон – тощее тело, в военизированном френче, скуластое лицо под шапкой белобрых волос, и льдисто-голубые глаза наглядно подтверждали его кличку.

Ганс, в миру Юрий Каренин, был яростным и фанатичным реконструктором. Специализировался он в основном на периоде Второй мировой войны, выбрав для собственной реализации сторону вермахта. За что, собственно, и бывал бит нашими патриотичными согражданами – идущий по улице белобрых немчур в эсэсовской форме вызывал прямо-таки генетическую ненависть у русского человека. В его маленькой квартирке, забитой до отказа разным военным хламом, проживали такие же маленькие и светлые жена и сын. И, как ни странно, они целиком поддерживали увлечение своего главы семейства.

Сейчас, в баре, сидящие рядом, подвыпившие Серый и Ганс являли поразительное, коренное несходство, иллюстрировавшее визуальное различие русского этноса. Огромный, темноволосый, краснолицый Серега и маленький белобрых Ганс, являясь этнически русскими, находились явно в разных полюсах расовой сегрегации.

Интересно – лениво подумал Матвей – а как я выгляжу в их компании?

Он сидел, отвалившись на спинку дивана, держа в руках кружку с недопитым пивом. Его состояние опьянения достигло той чудесной точки, когда весь мир состоит только из приятных вещей. Приятный шум бара, приятный запах сигарет и самое главное – приятные люди вокруг. Его захлестнуло чувство общности со всем миром. Матвей наслаждался. Он смотрел на своих непохожих друзей, слушал их обычный треп и отдыхал душой.

Где-то посерединке... – додумал он.

Из всей их большой компании, за заставленными пустыми стаканами и кружками столом, остались только они втроем. И это тоже было правильно – они всегда заканчивали вечеринки. Трое неразлучных друзей со школьной скамьи. Жизнь бросала их и раскидывала в разные стороны, но неумолимый рок вновь сводил и швырял в жернова юношеских приключений. Разошлись по домам более дисциплинированные, а может, просто уже наученные наконец горьким опытом Димка, Рита и Вадик, загруженные пивом под горло, но демон Большой пятницы уже управлял оставшейся троицей. Будущий вечер, в связи с этим был покрыт туманом неизвестности.

Серый наконец не выдержал. С умеренной силой, зная разрушительную мощь своей руки, стукнул по столу и провозгласил, сведя густые брови:

– Доколе будем полоскать барские кишки этой бодягой? Не пора ли водочки, господа?

И с отвращением поглядел в кружку. Ганс встрепенулся и просиял. Он вскочил и отдал честь, вызвав неодобрительные взгляды гопотистой бригады.

– Я понял вас, минхерц! Будет исполнено в лучшем виде!

Подхватив плащик, он резво ускакал в сторону выхода. Серый и Матвей переглянулись, одновременно хмыкнули. Водку в баре не продавали, в магазинах, по новой традиции после десяти тоже, но Ганс умудрялся находить искомый напиток в любое время и в любом месте.

Он говорил, что после десяти на улицах города появляются новые вурдалаки нового времени. Это было братство Гонца – люди, отправленные за добавкой. Узнавая друг друга с феноменальной точностью, они передавали информацию о точках, где можно было взять воделенный продукт. И ведь брали!

Матвей допил свое пиво, поставил кружку и посмотрел на раздобревшего, расплывшегося на диване Серого. Тот улыбнулся и подмигнул Матвею.

– Вот, Матюха! Так и живем... канешно не столицы ваши, но видишь тоже мал, мал веселиться можем...

Матвей достал две сигареты из пачки, подкурил их и одну отдал Серому. Затянулись. Матвей с симпатией махнул Серому.

– Куйня это все, Серега! Москва, Питер, да любой город! Везде это дерьмо! – он обвел рукой задымленное помещение, – везде люди, а они, как говорил один классик, никогда не меняются...

Серый хмыкнул, почесал голову, вспоминая, затем выдохнул вместе с дымом.

– Э-ээ... «Люди как люди. Любят деньги, но ведь это всегда было... Человечество любит деньги, из чего бы те ни были сделаны, из кожи ли, из бумаги ли, из бронзы или золота. Ну, легкомысленны... ну, что ж... обыкновенные люди... в общем, напоминают прежних... квартирный вопрос только испортил их...»

Матвей изумленно округлил глаза, глядя на довольно ухмыляющегося Серого. Недоверчиво спросил:

– Ты, это... серьезно? Все помнишь? Это же когда мы ставили Мастера? На втором, нет – на третьем курсе? Офигеть, Серега...

Серый довольно заржал. Протянул руку и положил ее на плечо Матвея.

– Эх, Матюха! Представь – все помню, до последнего слова! Ах, какая постановка была, помнишь? Весь институт собирался на показы!

Он загрустил, поджал губы. Затянулся и печально пробасил.

– Эх, времечко было... мне кажется, это были самые лучшие мои годы...

Матвей сочувственно вздохнул и загасил окурок. Затем встал, под недоуменный взгляд Серого, приосанился, взял в руку пустую кружку и хорошо поставленным голосом громко начал декламировать.

– «Быть или не быть, вот в чем вопрос. Достоин ль смиряться под ударами судьбы, иль надо оказать сопротивление и в смертной схватке с целым морем бед покончить с ними? Умереть...»

Шум в зале прекратился, все обернулись и, открыв рот, смотрели на слегка пошатывающегося Матвея. Тот, увидев повернутые к нему изумленные лица, продолжил еще громче.

– «О! Бедный Йорик! Я знал его, Горацио. Это был человек бесконечного остроумия, неистощимый на выдумки. Он тысячу раз таскал меня на спине. А теперь это – само отвращение и тошнотой подступает к горлу. Где теперь твои каламбуры, твои смешные выходки, твои куплеты? Где заразительное веселье, охватывавшее всех за столом?» А?

Серый встал и в порыве чувств обнял Матвея. Громко проорал.

– Матюха! Ты чертов гений!

Матвей похлопал его по спине и гордо посмотрел в зал. Переглянувшись, люди за соседними столиками начали аплодировать. Матвей шутливо поклонился и рухнул на диван. Серый слил из всех кружек остатки пива и протянул Матвею. Растроганно, умильно глядя ему в глаза тихо прошептал:

– Эх, Матвей... какое время... какие мы были...

Затем обернулся и грозно посмотрел на смотрящих в их сторону посетителей. Сразу же восстановился обычный шум, и каждый занялся своим привычным делом – пьяная пятница продолжала сбор своей обычной дани. Серый забрал кружку из рук ослабшего Матвея, залпом допил остатки и грохнул ею по столу.

– А Наташка твоя – зря! Нельзя так с мужиком... не понимают они нас... Вот ты сейчас, что делать будешь?

Он грозно выставил на него палец. Матвей пожал плечами, раскинул руки, едва не теряя равновесия пробормотал:

– Бухать, Серый! Сегодня я буду бухать...

Серый раздраженно мотнул головой.

– Да не... я вообще!

Матвей закурил новую сигарету и долго махал спичкой, пытаясь ее затушить. Наконец спичка погасла, он проводил взглядом синеватый дымок, вздохнул.

– А-аа... пока здесь останусь, Серый... батя в больничке, пока мамке помогу... а там... там посмотрим. В театре меня не ждут... как и дома – на хрен я им всем сдался, проекты-проекты все заглохли... тоска, Серега... тоска.

Серый пересел к нему, обнял за шею и заговорщически прошептал, дыша горячим перегаром в ухо Матвея.

– Ты не бойсь, Матюха... здесь не пропадешь! Друзья есть, мякина в башке – и здесь жить можно! Хули нам институт дал? Ты хоть по сцене походил – до Москвы вон добрался, и чё! Ну, а я? Тыркался сначала по утренникам да по корпоративам – задолбало! Да и все наши – кто куда... Юрка Пугачев – представляешь, в полиции работает, а Костя Пономаренко в эти, как его, стилисты подался. Из девчонок только Катька и Сонька в театре, а остальные... Вот и я – плюнул на этот театр, да в бизнес подался! Тут ведь тоже играть надо, Матюха! И как играть...

Матвей поморщился и отодвинулся от Серого. Жалобно попросил:

– Меня сейчас вырвет, Серёга! Не дыши на меня, а?

Серый недоуменно посмотрел на него хмуря брови. Затем хмыкнул и, набрав полные легкие воздуха выдохнул в лицо Матвея. Тот откинулся на спинку дивана и мучительно проревел.

– Серый, скотина!

Серый пересел ближе и, непрерывно хохоча начал дуть в лицо уворачивающегося Матвея. Тот схватил его за шею и попытался пригнуть к столу. Увы, силы были неравны. Легким движением головы Серый легко уходил от захвата и снова выдыхал воздух в лицо Матвея. Наконец тот сдался и жалобно попросил хохочущего Сергея.

– Хорош, Серый! Сдаюсь...

Неожиданно над ними раздался меланхоличный голос Ганса.

– Веселитесь, господа?

Серый вскочил и пьяно обнял пахнувшего уличной свежестью Ганса. Громко заорал.

– Гансик! Фашист ты наш недобитый! Водки принес?

Ганс отряхнул руки Серого, с достоинством сел и, оглянувшись, вытащил из-за пазухи бутылку. Уныло пробормотал:

– Что же вы орете так ханурики... Принес...

Серый обнял их обоих и в восторге прорычал:

– Ото – дило, братцы! Вечер обещает быть нескромным!

Глава 3

Оглушительная телефонная трель, жестко и безжалостно выбросила сознание Матвея из недр сна. Это было настолько неожиданно, что его тело, повинувшись древним рефлексам, бурно отреагировало на внешний раздражитель. Надпочечники вбросили в кровь ударную дозу адреналина, и организм Матвея мгновенно приготовился к извечному, жизненно важному выбору человечества – бей или беги.

Сердце бешено, едва не выпрыгивая, застучало в груди, а дыхание со свистом вырвалось из сведенного горла.

Матвей широко открытыми глазами смотрел в обступающий его полумрак, силясь разглядеть надвигающуюся опасность. Ему потребовалось несколько долгих секунд, чтобы попытаться понять и принять окружающую реальность. Но тут снова зазвонил телефон.

И тут же на Матвея обрушилось печальное осознание своего физического самочувствия. Все симптомы стрессового пробуждения остались с ним и даже усилились до невозможного состояния – рот наполнила горькая слюна, в голове застучали гулкие молотки, резко затошнило.

Похмелье... Родная сестра пьяной пятницы. Мысли Матвея лениво исследовали древнее слово. По – после – хмеля... Предки знали о чем идет речь. И кодировали это знание в удивительном русском языке, полным загадок и тайн. Мы не задумываясь произносим некоторые слова, несущие общий смысл, но стоит пристальней взглянуть в них – и открывается такая бездна... Вот еще слово, передающее состояние Матвея этим, стоит признаться не самым приятным утром – с бодуна. Бодун. Кажется, так в старину называли бадью для хранения всяких жидких веществ, нужных в крестьянском хозяйстве: воды, солений и, конечно, браги...

Вот и говорили – с бодуна, значит, нализался вчера гражданин до чертиков! Матвей выдохнул застоявшийся воздух. Н-да... До чертиков. Память о вчерашнем вечере еще не вернулась, но Матвей не особо торопил ее, справедливо полагая, что удовольствие ему это знание вряд ли принесет. На периферии сознания шевелились некоторые образы, но пока не осмеливались предъявить ему свои вещественные доказательства.

Внезапно мысли сделали резкий поворот, и его голову наполнил образ бочки, наполненной холодной, чистой водой. Он попытался проглотить тягучий комок в горле, но только закашлялся. Матвей с удовольствием вспомнил, что по опыту своей студенческой молодости – где-то на уровне рефлексов, он всегда прихватывал с собой бутылочку минеральной воды. От этой мысли рот опять наполнился горькой слюной. Матвей с трудом ее сглотнул и приподнял враз загнувшую голову. Он опустил руку вниз и стал шарить в грудке брошенной возле кровати одежды.

Снова настойчиво зазвонил телефон. Чертыхаясь про себя, Матвей нащупал его округлые края и поднес светящийся экран к глазам. На экранчике пульсировала надпись – «Серый». Матвей вздохнул, нажал иконку с зеленой трубкой и слабо прохрипел.

– Але? Да? – резко замутило, но он справился с собой и продолжил: – Слушаю, Серый... Из трубки раздался странно бодрый и жизнерадостный голос Сереги.

– Ты, что?!! Спишь что ли, алкаш? Мы же вчера договорились!!!

Матвей поморщился, отодвинул трубку. Напрягся, но память ничего не добавила ко вчерашнему туману. Он недоуменно переспросил, перебивая поток Серегиных слов.

– О чем, Серый? И это... который час?

Трубка взорвалась возмущенным ревом.

– Ты чё, Матюха, обалдел? Я же тебе работу нашел! Уже и с шефом договорился о встрече! Давай подымай свою задницу и галопом ко мне! Адрес я тебе смс скину! Давай, давай! Время – семь утра уже!

Матвей, моргая огляделся. Шторы на окне были плотно задернуты и не пропускали свет нарождающегося утра. Он опять поморщился и пробормотал успокаивающе.

– Хорошо, хорошо, Серег... ты только не кричи, башка болит... сейчас соберусь и приеду!

Трубка неожиданно быстро успокоилась.

– Башка у него болит... Давай уже. Шевелись... Жду. Отбой.

Матвей несколько секунд тупо смотрел на погасший экран. Почесал гудящий затылок и пробормотал:

– Отбой... Н-да...

Кинул телефон на койку, с кряхтением наклонился и наконец нащупал эту проклятую бутылку.

Глава 4

Несмотря на раннее утро, офис фирмы, где работал Серый, бурлил и фонтанировал неумной рабочей энергией. По широкому коридору, образованному стеклянными матовыми перегородками, сновали молодые люди обоих полов с папками и без. Стоял обычный офисный шум, состоящий из тихого разговора множества людей, работы электронной офисной техники и гудения световых панелей. Матвей почти бежал за ловко двигающимся по коридору Серым, удивляясь про себя, насколько тот органично вписывается в окружающую деловую суету.

Тело Сергея облегал хорошо сидящий темно-серый костюм из, как успел отметить Матвей, довольно дорогой ткани. Светло-розовая рубашка, стального цвета галстук и черные туфли дополняли его модельный облик. Матвей раздраженно и, немного завистливо подумал: – Пижон.

Сам он, едва успев к назначенному времени, особо подготовиться так и не успел. От того и чувствовал раздражение и злость на себя. В мятых джинсах, кроссовках и джинсовой рубашке он выглядел в этих стенах немного странновато. Это был мир галстуков и белых блузок. А бунтарская, изначально придуманная для американских рабочих джинса прямо-таки вопила о его плебейском положении. Серый, встречая его у проходной, или, как он сказал, «у ресепшена», слегка поморщился, но ничего не сказал. Но Матвей шкурой почувствовал его неудовольствие. А оно и понятно... К джинсам прилагалась еще и небритая и помятая рожа... Побриться Матвей тоже не успел.

Так и бежал вслед за Серым, злясь на себя и на весь окружающий мир. Серега же, благоухая парфюмом и правильной, эзотерически направленной энергией напористо вещал Матвею, изредка оглядываясь на него.

– Карочь, Матюха! Фирма у нас небольшая, но важная! Юридически мы занимаемся предоставлением бухгалтерских услуг, но на практике бабки обналачиваем. Среди клиентов – ого, какие крупные конторы! Но тебе этого не надо знать. Тасуем, короче, разные бумажки туда-сюда, а в результате получаем наличку, которую клиентам и возвращаем... за комиссию, естественно. Шеф наш, бывший гэбэшник – у него подвязки во всех банках, плюс система банкоматов для оплаты разных услуг и пополнения баланса. Вот. Есть несколько отделов, занимающихся разными вопросами – я, например, за доставку бабок отвечаю, а есть пацаны, которые банкоматами занимаются... Но есть еще вакансия по документам – нужно готовить покрывающие пакеты и доставлять их клиентам. Такая вот работенка, думаю, ты справишься.

Он неожиданно остановился и резко развернулся всем корпусом. Матвей по инерции сделал несколько шагов и едва не врубился в Серого. Тот выставил палец и упер его в грудь Матвея. Смотрел серьезно и жестко. Матвей вздрогнул. Такого Серого он еще не знал. Всегда вяловатый и ленивый, сейчас это был собранный и целеустремленный хищник. Матвея на секунду замутило, и тошнота подперла кадык. Серый, внимательно глядя ему в глаза, жестко сказал, четко разделяя слова:

– Ты это... Пойми, друг. Никто у нас официально не устраивается, сам понимаешь, дело то мутноватое... да я тебе вчера рассказывал. Тут все под личную ответственность, короче. Под. Очень. Личную... Ты как, старик? Не передумал? Потом поздно будет...

Матвей сглотнул и немного принужденно хохотнул.

– Да ладно, ты чё, Серый! Раз сказал, значит – готов! Да и куда, собственно, мне деваться?

После недолгой паузы Сергей удовлетворенно хмыкнул, почесал переносицу и поднял указательный палец на уровень лба. Торжественно объявил:

– О'кей! Тогда пошли, Матюха! Порыбачим мы рыбку в мутной воде с тобой еще!

Он резко развернулся и энергично двинулся вперед. Матвей повертел шеей и припустил за ним следом.

Кабинет шефа не удивил Матвея ни размерами, ни какими-либо изысками – довольно просторный и светлый, скупо обставленный обыкновенной офисной мебелью. Удивило другое – практически все горизонтальные поверхности были заставлены бумажными фигурками оригами. Большие и маленькие, белые и цветные, фигурки животных, растений и какие-то бесформенные абстрактные формы стояли на большом письменном столе, занимали все полки белого шкафа со стеклянными дверцами и подоконники двух больших окон.

Матвей и Серый уже несколько минут сидели в полной тишине на двух, стоящих рядом, стульях и внимательно наблюдали за листом бумаги в ловких руках, который на их глазах превращался в бумажного голубя. Хозяин кабинета, на вид лет этак шестидесяти – невысокий, худощавый мужчина в свободной белой рубашке, с распушенным галстуком, не обращал внимания на сидящих напротив него друзей. Он был всецело поглощен процессом. Тонкое лицо с подвижным носом, выдававшее холерический характер, выражало полное отрешение от внешнего мира.

Ухоженные пальцы ловко складывали бумагу, придавливая в нужных местах, а где этого не требовалось – оставляли свободу рождающейся фигуре. Все это было столь завораживающе, что Матвей невольно забыл и о своем печальном физическом состоянии, и о цели их прихода сюда. Такова была сила искусства, приковывающего взгляд любого ценителя. А это действительно было искусство – Матвей знал цену подобного рода умению. Из обыкновенного бумажного листа формата А4 на божий свет рождалась птица.

Но наконец работа была окончена, и руки шефа еще раз проверили правильность сборки – потянув за два конца фигурки, он добился того, что голубь расправил крылья! Осторожно поставив его на край стола, он поднял на Матвея внимательные серые глаза. Матвей с трудом оторвал взгляд от фигурки, слегка откинулся на спинку стула и посмотрел в лицо шефа.

Черт – промелькнуло в голове – черт... Взгляд шефа был как две капли воды похож на давешний взгляд Серого. Он в очередной раз почувствовал себя на операционном столе – взгляд шефа препарировал и его внешний вид, и оценил его внутреннее состояние, и сделал выводы из этих наблюдений, утвердив отпечаток матвеевской личности где-то на полках своего сознания. Все это было и неприятно, и пугающе.

Матвей мысленно поежился, но его характер в очередной раз выдал обычный фортель. Вот так всегда – когда на него чересчур давили, он внутренне подбирался и наружу появлялся другой Матвей – агрессивный и наглый. Он выпрямился и прямо посмотрел в глаза шефа. Тот явно оценил метаморфозу и довольно хмыкнул. Отвел взгляд и посмотрел вверх головы Матвея.

– Нравится? – скорее утвердительно спросил он у него.

Матвей поднял брови, прокашлялся и почему-то сиплым голосом переспросил:

– Оригами? – и мысленно хлопнул себя по лбу. Идиот, что же еще! Он глянул за поддержкой на сидящего безмолвного Серого. Отметив полное индифферентное выражение его лица, быстро произнес:

– Да, конечно! Очень красиво! И так ловко. Вы...

Шеф мотнул головой, тихо произнес, нежно и трепетно погладив фигурку.

– Пять лет собираю...

Повисла неловкая пауза. Матвей напрягся, но решил удержать свой язык от болтовни, уж очень все происходящее было тягостно. Видимо, он принял правильное решение – судя по упорному молчанию до этого столь болтливому Серого.

Через несколько секунд шеф очнулся от своих мыслей, потянулся и вновь глянул на Матвея.

– Значит, вы – актер? Мне Сергей Иванович рассказал... а к нам какими судьбами?

Матвей посмотрел на Серого. Тот едва заметно пожал плечами. Матвей вздохнул и покорно, но несколько косноязычно объяснил.

– Актер... и немножко режиссер... В Москве для меня работы сейчас нет, а тут родители... друзья...

Шеф резко встал, прерывая бормотание Матвея. Это был так неожиданно, что и Матвей, и Серый одновременно вздрогнули. Шеф блеснул на них глазами, снял со спинки стула модный в прошлом московском сезоне клубный пиджак и одним ловким движением надел его. Встал за стулом, опираясь на него руками.

– Я знаю вашего отца... он с моим батей на одном заводе работал... когда-то.

Он пристально и ожидающе смотрел на Матвея. Матвей сглотнул и беспомощно огляделся. Поднял взгляд на шефа и, совсем уж жалобно пролепетал:

– Да... мне папа, кажется, рассказывал... – хотя был готов отдать руку на отсечение, что лицо шефа ему было абсолютно незнакомо. И даже если шеф был полная копия своего отца, среди его знакомых он, как ни напрягался, не мог вспомнить никого хоть немного на него похожего.

Шефа, кажется, удовлетворил невнятный ответ Матвея. Он начал расхаживать перед ними, заложив руки за спину. Резко задавая вопросы, мельком глядел в лицо Матвея. Допрос, – догадался тот.

– Ну... и как вам у нас?

– Э-ээ... да все вроде по-старому...

– Сергей Иванович вам рассказал наши правила?

– Д-да!

– Вы осознаете всю меру вашей ответственности?

– Да!

Вот тут-то вредный характер Матвея и дал о себе знать. Уж очень это все его раздражало. Он вскочил, вытянул руки по швам и, глядя пустым взглядом перед собой, гаркнул:

– К суду не привлекался! В местах лишения свободы не находился! В связях, порочащих советского человека, не состоял!

Серый испуганно, открыв рот смотрел на Матвея. Шеф остановился и пристально посмотрел в его лицо. В наступившей тишине стало слышно тиканье часов на стене. Неожиданно шеф расхохотался. Он упал в кресло и, глядя снизу вверх на Матвея, снял галстук. Все еще смеясь, махнул ему рукой. Матвей неуверенно сел. Шеф вытер повлажневшие глаза и с улыбкой проговорил:

– Да уж... простите меня – перегнул. Я ведь в операх десять лет прослужил. Вот и осталась видимо... привычка. Меня и списали по профнепригодности – выгорела психика.

«Догадываюсь почему», – мелькнуло в голове Матвея. Шеф меж тем продолжал:

– Врачи посоветовали хобби какое-нибудь освоить – для успокоения и расслабления. Дочь обучила искусству оригами и вот увлекся же! Извините!

Он успокоился, расслабился и развалился в кресле. Былого напряжения как не бывало. Даже сидящий рядом, упорно молчащий Серый ощутимо расслабился. Шеф с улыбкой смотрел на Матвея. Все, казалось, разрешилось мирно и к обоюдной симпатии, но что-то жесткое в глазах шефа не давало Матвею так же погрузиться в эту всеобщую эйфорию. Не в силах выдержать наступившую паузу, наполненную непонятными намеками, пробормотал:

– Это вы меня извините... находит на меня иногда...

Шеф поднял руку.

– Все нормально! Сергей Иванович отведет вас в отдел, а Татьяна Петровна введет в курс дел и, если вы готовы – завтра можете приступить к работе...

Он посерьезнел и пододвинул к себе белую папку. Аудиенция была окончена. Это стало понятно и по тому, что Серый быстро и беззвучно встал. Матвей вскочил следом. Почти синхронно они развернулись и пошли к выходу. Около двери их остановил голос шефа. Они развернулись, вопросительно глядя на него.

– Матвей! Я вас попрошу! – он провел по своему, чисто выбритому подбородку, – сбрейте вы это... Удачи!

Они выдохнули и вышли в коридор. Матвей остановился и в упор посмотрел на Серого. Тот отвел глаза и тихо, уважительно сказал:

– Ну ты, блин даешь! Артист...

Часть вторая

*Я пропал, как зверь в загоне.
Где-то люди, воля, свет,
А за мною шум погони,
Мне наружу ходу нет.*

Борис Пастернак

Глава 1

Матвей очень любил водить автомобиль. Ему нравилось единение с этим куском металла, пластмассы и резины – мечтой любого мальчика и мужчины о собственной свободе, которую так удачно воплотили отцы автомобилестроения. Матвей представлял себе, что подобное чувство ощущает всадник, на норовистом и сильном скакуне.

Сугубо городской житель, ни разу не сидевший в седле, он с завистью смотрел в исторических фильмах, как мускулистые и brutальные воины управлялись своими конями... или лошадьми – не суть важно. Матвей часто представлял себе – он, сильный и уверенный в себе, с багровым плащом на плечах, придерживая на боку саблю, мощным движением вспрыгивает в седло, выпрямляется и бьет коня в бока. И рвется вперед, управляя им уверенной рукой.

К великому сожалению Матвея время всадников прошло, а те лошади в парке, на которых катался маленький Антошка, не внушали ему того трепетного чувства, какое вызвал, например, Медный всадник – памятник Петру на Сенатской площади в Питере. Помнится, первая встреча с ним на провинциала Матвея произвела неизгладимое впечатление.

Выиграв очередную, уже и не вспомнить какую, школьную олимпиаду, Матвей был награжден поездкой в такой далекий и еще советский Ленинград. Вместе с такими же десятилетними умниками он был погружен на поезд, снабжен пакетом с едой, некоторым количеством денег и отправлен в первую его самостоятельную поездку.

Боже мой, какое это было время! Первоначальный страх – так далеко без мамы и папы, прошел сразу же в компании таких же гопников. Родилось тысяча интересных и захватывающих дел. Руководители группы, педагоги из разных школ, сбивались с ног, вытаскивая нас из купе, где пьяные дембеля пели, не всегда понятные, но весёлые матерные песни. Разыскивали нас в самый разгар игры в прятки – ах! какой простор для этого представляет плацкартный вагон, населённый добрыми и отзывчивыми попутчиками. И какой веселый сумбур в их существование вносят десяток энергичных десятилеток. Ну а самое, конечно же, интересное, это – страшные истории, в темном полуспящем вагоне, бередящие первобытный страх в нежных детских душах...

Потом был галоп по достопримечательностям осеннего Питера, впечатление от которого слились в калейдоскоп слов, образов и мест. И только когда группа вывернула из-за какого-то большого здания, усилиями уставших педагогов была согнана на площадь, тогда маленькому Матвею и открылось это дивное творение Фальконе.

На фоне громады Исаакиевского собора огромный и надменный Петр, восседая на таком же могучем коне, указывал куда-то за стылую Неву. Серое, свинцовое небо усиливало этот суровый образ. Матвей замер, потрясенный до глубины души. Ничто другое после этого случая не оставило такого следа в его памяти.

И этот конь... Для десятилетнего мальчика, еще невеликого ростом, все вокруг кажется большим – и люди, и дома, и деревья. Но конь под Петром, а это был именно конь, имеющий все признаки самцовости, показался Матвею просто невероятно, нереально огромным. Валы могучих мышц опоясывали прекрасные формы коня. Глядя снизу вверх, мальчик почти не видел Петра, но прекрасно рассмотрел всю конскую анатомию. Так и стоял, открыв рот, провинциальный мальчик Матвей, на продуваемой и промозглой Сенатской площади славного и героического Ленинграда-Петербурга.

Именно с тех незапамятных пор и представлял себе Матвей коня под собой только под стать этому красавцу. И сколько бы он ни видел в своей жизни лошадей, коней, пони и других подобных скакунов из отряда непарнокопытных, семейства лошадиных, все они казались ему жалким и слабым подобием того самого петровского коня... Уже много позже он узнал, что прообразом для Фальконе стали две лошади орловской породы, Каприз и Бриллиант из императорских конюшен.

Вот и сейчас, сидя за рулем пусть и не самого мощного представителя америкосовской корпорации «Форд», Матвей представлял себя лихим наездником.

Сто двадцать лошадиных сил под капотом помогали ему увериться в этом. А шестискоростная автоматическая коробка передач усиливала удовольствие от управления этой самоходной повозкой. Матвей с наслаждением, подпевая какой-то бодрой мелодии из автомобильного приемника, вел машину в плотном городском потоке. Он зорко всматривался в зеркала, выглядывал окошки в потоке и смело перестраивался. Ему казалось, что все это он делал элегантно и красиво.

Когда-то давно, кто-то очень уважаемый, хотя он уже и забыл кто это был, сказал ему, что правильность управления в потоке проверяется тем, что никто вокруг не тормозит от твоих маневров. И с тех пор Матвей проверял правильность своих решений именно этим тезисом.

Поток автомобилей остановился на красный сигнал. Матвей огляделся – слева и справа скучали, пережидая докучливое препятствие, его случайные соседи. Слева – ярко накрашенная девица на, как он успел разглядеть, синем женоподобном «Раве 4». Девица была так себе, к тому же правый руль приблизил ее на неприятно близкое расстояние, и Матвей отвел глаза. Справа, в легко узнаваемом силуэте родного вазовского седана – седоголовый мужчина, неодобрительно изучающий глазающего по сторонам Матвея. Матвей усмехнулся и помахал ему рукой. Тот поморщился и сжал губы, и тотчас же из-за его головы показалось сморщенное лицо пассажирки, судя по всему, жены. Она поглядела еще суровее, и Матвей от неудобства чуть подал машину вперед. Тотчас это же сделала и соседка слева, чуть позже это сделали и все окружающие Матвея машины.

Наступил тот трепетный момент перед сменой сигнала светофора, который каждый водитель умел предчувствовать – нога подрагивает на педали тормоза, готовая мгновенно перескочить на педаль газа, а глаза ловят последние миллисекунды.

Но едва Матвей напрягся, приготовившись стартовать в числе первых, раздалась мелодия мобильного телефона. Матвей вздрогнул и рефлекторно убрал ногу с педали. Тотчас загорелся зеленый фонарь, и сзади раздалось истошные сигналы. «Что такое доля секунды? Это время, прошедшее с того момента, когда загорится зеленый свет светофора до сигнала сзади стоящего автомобиля», – мимолетно вспомнилась Матвею заезженная философская шутка. Матвей все же тронулся, боковым зрением пытаясь посмотреть на экран лежащего на панели телефона. Выходило неловко, он бросил эту попытку и поехал быстрее.

Только на изрядном расстоянии от перекрестка он нашел местечко для парковки и взял истошно вопящий все это время телефон. На экране светилось – «Серый. Работа». Матвей вздохнул и нажал на прием.

– Ты чего трубку не берешь? – услышал он возмущенный рев Сереги.

Матвей отодвинул трубку и после паузы пробормотал:

– Я, блин, перекресток проезжал...

Серый неожиданно быстро успокоился и продолжал уже более ровно и серьезно.

– Ладно, хрен с ним... Слушай, старина... тут такое дело – я сегодня «посылку» везу в контору одну... «посылка» тяжелая... очень. Так вот – сейчас звонит мне замдиректора и говорит, что ее нужно по другому адресу везти, типа клиенты попросили. А по навигатору выходит, что это «оловяшка», завод наш старый. Причем та часть, которая давно не работает... Я шефу звоню – не отвечает... и, как назло, напарник мой, Толян, сегодня приболел – один я. Что-то мутновато это все... ты ведь на колесах?

Матвей напрягся. Что-то тревожное послышалось ему в спокойном голосе Сереги. Так же серьезно он ему и ответил:

– Да. На служебной...

Серый продолжал, едва дав Матвею ответить.

– Давай подъезжай сюда, а? К старой проходной, где бати наши работали... я тебя дождусь, потом вместе пойдем, хорошо? В конторе я тебя отмажу, если что...

Матвей помолчал, прикидывая маршрут движения.

– Конечно, Серег! Я сейчас на Ленина, развернусь – и к тебе. Минут через пятнадцать буду, если без пробок...

Серый с явным облегчением, но несколько натянуто рассмеялся.

– Ну и слава богу! Давай жду, братан!

Матвей несколько минут сидел, бездумно разглядывая заставку на телефоне. От благостного настроения не осталось и следа. Он нутром почувствовал, что именно в этот момент колеса его судьбы изменили свое направление.

С ним иногда такое случалось – не особенно суеверный, иногда он вдруг становился восприимчив к мировым потокам. И тогда будущее, холодным и щекотным потоком сползало по затылку, размазываясь по спине. Естественно, он не знал и не видел этого своего будущего, но понимал, что изменения начинались именно в эту минуту...

Он тяжело вздохнул, принимая эту новую реальность, глянув в зеркало включил передачу и снова влился в равнодушный поток автомобилей, бесконечной лентой опоясывающий вечно спешащий город.

Глава 2

«Опытный оловянный завод», в народе просто «оловяшка» был зачат еще в далеком предвоенном сороковом году. И если бы не война, разом перемешавшая всю промышленность СССР, строился бы неспешно и, наверное бы более продуманно. Но поток эвакуации на восток страны, частично осевший в городе, заставил начать производство нужного военного металла практически в поле.

Как и многие заводы того времени, цеха строились вокруг уже работавших станков и печей. А затем, собственно, и эта часть города строилась уже вокруг завода. Теми же руками.

Героическое было время, но оно же диктовало свои требования к практичности и красоте. Думается, как раз о красоте эти люди думали в последнюю очередь. Вот и вырос завод, в огромной своей территории, крайне запутанным и столь некрасивым в своей разномастности зданий и сооружений. Последующие годы добавляли ему строений, нужных для производства, но делали эту территорию еще более загроможденной. Старожилы завода ориентировались здесь как в собственной квартире, но свежему человеку все это нагромождение цехов, переходов, труб и пандусов внушало мистический трепет.

К сожалению, этот подход сохранился и в строительстве жилых кварталов, густой сетью кривых улочек, охвативших завод. Иногда территория завода прорывалась нарывом серой бетонной стены, и тогда улочки просто обтекали препятствие, создавая дополнительный хаос.

Недаром весь этот район назывался – «Нахаловка». И район так назывался, и люди его населяющие назывались «нахальцы». И славу нехорошую имел в городе этот район. Никто в своем уме, не совался сюда ни днем, ни ночью. Это был свой мирок, закрытый от вторжения извне слухами о хозяйствующих здесь бандах, и самой психологией его жителей. Практически каждый мало-мальски известный городской преступник имел корни в этом районе.

В конце концов советская власть, силами милиции и внутренних войск, навела порядок в Нахаловке, каленым железом выжигая любую самобытность этих людей. Но свободолюбие и ненависть к власти окончательно искоренить не сумела – так и остался в этом районе пиратский дух свободы.

Матвей, периодически чертыхаясь, когда многострадальный «Форд» попадал в совсем большую яму, пробирался узкой улочкой. Где-то здесь совсем недолго они когда-то жили, пока отцу, тогда молодому инженеру, не дали квартиру в городе. Иногда они с мамой вспоминали это время, но Матвей совсем не помнил ничего из того, о чем они говорили. Но старался не соваться сюда без дела.

Тем более что после того, как завод прекратил свое существование, Нахаловка совсем превратилась в трущобы. Часть завода, прилегающую к городской магистрали, растащили коммерсанты, заняв их под склады и многочисленные торговые центры. А самая старая часть осталась доживать, вместе со своими немногочисленными оставшимися жителями, свою тяжелую жизнь, постепенно ветшая и разрушаясь.

Именно сюда, к старой проходной и пробирался Матвей, тихо матеря и себя, и Серого, и свою зависимость. Все это ему нравилось все меньше и меньше. Тревога мутным маревом поднималась в душе. По дороге он несколько раз набирал номер Серого, но телефон выдавал только длинные гудки.

Матвей обогнул какой-то бетонный блок и наконец въехал на небольшую площадь перед проходными.

Когда-то это была ухоженная площадка с остатками бетонных газонов по периметру. Над порталом входа, на бетонной стене двухэтажного здания сохранилась бодрая надпись – «Слава человеку труда!». Окон в здании не было, а широкие двери проходной были наглухо заложены кирпичной кладкой. Остался только один проход, беззубой щербинной приглашающий внутрь.

Матвей сразу же заметил стоящий у входа, точно такой же, как у него, «Форд», с надписью на заднем стекле – «Юридическая фирма „Эталон“». Он было с облегчением выдохнул воздух, но тут же осекся – возле машины никого не было.

Аккуратно припарковавшись рядом, он заглушил двигатель и вышел из машины. После незаметного, но давящего шума внутри автомобиля, сейчас на Матвея навалилась оглушающая тишина.

Конечно, полной тишиной это не было – шумел ветер в ветвях деревьев, растущих по краю площади, где-то чирикали воробьи, доносился шум не такой уж и далекой магистрали, а с территории завода слышался какой-то производственный шум, но Матвею это показалось именно так – тишина.

Он огляделся, набрал в грудь влажного воздуха – кажется опять собирался дождь, но не осмелился нарушить царящий здесь покой. Подошел к машине Серого, заглянул внутрь через стекло. Автомобиль был абсолютно пуст. Матвей беспомощно оглянулся. Ситуация давила на психику.

Пустота, одиночество и загадка. Матвей потянул ручку двери и, к его удивлению, она легко поддавалась. Он заглянул внутрь – пусто, только на водительском сиденье поблескивала металлическая пуговица. Он взял ее в руки, подбросил в ладошке, решительно выпрямился.

Все это было неспроста – Серый, с большой партией наличности, заброшенное место и открытая машина. Матвей заколебался... По-хорошему нужно было звонить в милицию, пускай стражи порядка разбираются с этой ситуацией. Но, поморщился Матвей, вспоминая лицо шефа, этого делать пока было нельзя.

Он вернулся к машине, достал телефон. «Нужно звонить шефу! – подумалось Матвею, – пусть решает!». Нерешительно поглаживая экран, задумался. Блин, что он ему скажет?

Еще неизвестно что тут приключилось с Серогой. Вот будет смешно – сейчас выйдет из здания и скажет, что сходил по-маленькому. А Матвей уже и растрезвонил по всему миру...

Он заколебался. Затем в очередной раз набрал номер Серого, послушал длинные гудки и в сердцах швырнул телефон на сиденье. Тоскливо огляделся, со злостью сплюнул. Вот ведь свинство какое – неделю еще не отработал, а уже вляпался в какую-то мутную историю! И Серега хорош! Поперся сюда, debil, – знал ведь небось это место!

Матвей нарочно накручивал себя, потому что страх тонкой струйкой уже просачивался в его душу. И что-то малодушное и склизкое кричало и билось в смятении – «Беги!!!». Он еще раз гляделся, внимательно осмотрел ощерившийся вход и решился.

Обойдя машину, открыл багажник и достал оттуда бейсбольную битую. Зачем-то она лежала там, когда Матвей принимал машину. Он, помнится, усмехнулся и спросил у механика – а на хрена, мол? Механик, ражий мужик с могучими плечами и шеей борца, посмотрел на него так, что Матвей мгновенно заткнулся, а теперь оценил предвидение руководства. Ох, непростая была фирма «Эталон», непростая...

Он, вспоминая виденное в фильмах, бодро похлопал битой по ладошке, закинул ее на плечо, затолкал телефон в карман и решительно двинулся в сторону проходной.

Глава 3

Матвей стоял на внутреннем выходе из здания и растерянно вертел головой. В общем-то он и сам не знал, что его ожидало здесь – может, связанный Серега в окружении бандитов и он, стремительной бестией, с бейсбольной битой в мускулистых руках врывается в толпу, нанося удары направо и налево? Или спокойно курящий Серый, удивленно глядящий на вооруженного Матвея? «Черт знает что!» – тоскливо подумал он и еще раз осмотрелся.

Слева, зажатая исполинскими стенами метров двенадцати высотой, вглубь массива зданий уходила узкая дорога. Справа, за растущим прямо из потрескавшегося асфальта кустом, виднелись несколько стоящих друг за другом высоких цехов из красного кирпича.

Былая уверенность улетучилась без следа, и Матвей с содроганием осознал свое полное одиночество в этом заброшенном индустриальном пространстве. Была точно такая же, как и снаружи наполненная звуками тишина. Только добавились какие-то скрипы и далекий скрежет работающих механизмов да ветер гнал по площадке пыльные смерчки.

Нелепая бита оттягивала руку, но Матвей еще крепче сжал ее, чувствуя исходящую от нее уверенность. Он набрал в легкие воздух и, неожиданно для себя выкрикнул в равнодушную тишину.

– Серега!!! Ты где?

На последнем слоге голос все-таки сорвался на позорный фальцет. Но даже эхо не отозвалось Матвею, лишь около одного из цехов ему послышался негромкий хлопок. Он поколебался еще секунду и нерешительно направился в ту сторону.

Остановившись у ворот ближайшего цеха, задрал голову, чтобы увидеть верх этого циклопического сооружения. Высота ворот – метров шесть, в них калитка... Вернее дверь, тоже немаленькая, но на фоне огромной площади полотна она казалась именно калиткой. Матвей не стал ломать голову каким великанским усилием нужно было открывать эти ворота, потому что дверь была приоткрыта. Он долго смотрел на неприветливый полумрак, выглядывающий из этой щели, затем решил и просунул голову в проем.

Ничего пугающего он не обнаружил – это был еще не цех, это был высокий и короткий тамбур. Сам вход в цех был гостеприимно открыт разъявленными металлическими воротами – близнецами входных.

Матвей шагнул внутрь тамбура и тотчас услышал человеческие голоса. Это было неожиданно и пугающе. Волосы на загривке встали дыбом, его прошиб холодный пот. Он прижался к стене и на подгибающихся ногах сделал несколько шагов вперед.

Осторожно выглянул из-за металлического кожуха тепловой завесы, с неудовольствием отметив густую полосу ржавчины на рукаве своего офисного пиджака.

Оглядел огромное, гулкое пустое помещение цеха – когда-то оно было заполнено рабочими станками, но сейчас от них остались только бетонные основания. Вокруг громоздились слежавшиеся груды мусора, пыльный свет попадал внутрь через разбитые окна, находящиеся наверху, почти под самым потолком.

Остро пахло старыми фекалиями, пылью и машинным маслом. Посередине цеха стояло одноэтажное кирпичное здание без крыши, которое когда-то, по-видимому, было административным помещением. Голоса слышались именно оттуда.

Матвей еще раз огляделся, мимолетно удивившись своему столь странному поведению. Но сама обстановка – тревожная и пугающая, заставляла его быть осторожным. Он без особых раздумий подчинился своим предчувствиям, сквозь зубы выдохнул застоявшийся воздух и рванул к зданию. Недалеко от входа, на коротких металлических ножках стояла большая бочка с едва сохранившейся надписью на боку – «ОСТОРОЖНО! МАСЛО!», именно туда и метил Матвей. Уже подбегая к спасительному укрытию, он подвернул ногу и пребольно саданул себе

в челюсть битой. Но это осталось почти не замеченным Матвеем, ибо изнутри помещения раздались громкие крики и два хлопка!

Матвей резко затормозил, поскользнулся и рыбкой поднырнул под бочку. И вовремя – из двери гурьбой вывалили три человека.

Он передвинулся ближе и в просвет между стеной и бочкой сумел разглядеть этих людей.

Среди них выделялся сухощавый невысокий мужчина в черной кожаной куртке. Он нервно закурил сигарету от спички, услужливо подожженной невысоким молодым крепышом в такой же кожанке. Третий – пожилой, с худым и хищным лицом, стоял поодаль, внимательно оглядывая цех. Даже своим малоопытным взглядом Матвей понял, что наиболее опасным из них был как раз он. Тем более, в его руках Матвей с ужасом разглядел самый настоящий пистолет. Вспомнив недавние фантазии, с сомнением посмотрел на битую в своих руках.

Сухощавый резко бросил недокуренную сигарету и нервно сжал татуированные кулаки. Чуть картаво проорал в лицо напуганного крепыша, постоянно потирающего начинающую синеть скулу.

– Ты чё, Петруха! Охренел? Нафига пришел придурка? Где сумку искать теперь? Он же с ней пришел!

Крепыш виновато пробубнил отводя глаза:

– Да тут она где-то – спрятал, урод...

До Матвея дошел смысл сказанного. Он похолодел – все связалось в один мучительный узел. Сумка, деньги, бандиты... и раненый, а может, уже и мертвый Серый. Закружилась голова и чтобы не закричать Матвей прикусил тыльную сторону кисти. В голове разноцветным салютом стремительно носилось множество мыслей, неспособных сформироваться в связный план действий. Что делать??! Выскочить с этой нелепой битой на вооруженных бандитов, по всей видимости, только что разделавшихся с его другом? Ха! Да они размажут его, даже не спросив имени. Черт. Черт!!!

Пока Матвей страдал в пыльном закутке за бочкой, сухощавый, по-видимому, самый главный из них, передразнил крепыша.

– Тут, тут... Нужно было просто дать по башке и все! На хрена валить? Скажите мне!

Он повернулся за поддержкой к пожилому, но тот только пожал плечами, не переставая сканировать пространство. Крепыш опять потер скулу:

– А с чего он – драться?

Главарь в бешенстве пнул лежащий кирпич, схватил крепыша за грудки и заорал ему в лицо, брызгая слюной:

– Нам сказано – чепа оглушить, сумку забрать – и все! Чё вы сразу за стволы хватаетесь? Где он ее спрятал? Где?

Он посмотрел в тупые глазки крепыша и в сердцах толкнул его в грудь. Крепыш устоял и боком сделал шаг назад. Главарь секунду подумал, достал из кармана ключи от машины и с силой бросил их в крепыша. Тот поймал их скупым и профессиональным движением, выдававшим в нем спортсмена высокого уровня. Главарь оценил реакцию крепыша и чуть сбавил обороты.

– Так! Ты вали к его машине – еще раз посмотри, может, там она все-таки. Заодно отгони ее куда-нибудь в кусты. Мы с Николаем здесь посмотрим!

Он развернулся к безучастно смотревшему пожилому и махнул рукой вправо.

– Давай Коля – ты с той стороны, я с этой... только внимательно смотри, не успел он за это время хорошо ее спрятать.

Тот, кого называли Николаем, снова пожал плечами и ловким движением, откинув полу жилетки, спрятал пистолет сзади за пояс джинсов. Это было так красиво и профессионально, что Матвей, с тоской в сердце понял – это не простая гопота. Влип. От этого понимания он неожиданно расслабился.

Крепыш сорвался с места, пружинистым и быстрым шагом пересек пустой цех и скрылся в тамбуре. Николай спокойно и даже немного расхлябанно скрылся за углом здания.

Сплюнув в пыль, тронулся и главарь. Его путь пролегал как раз возле бочки, за которой прятался Матвей. Матвей беззвучно передвинулся, оставляя бочку между собой и главарем, и, как только то скрылся за углом, метнулся ко входу в здание.

Серого он увидел почти сразу – короткий коридорчик выводил в большое помещение, с чудом сохранившимися шкафами и большим столом посередине. Когда-то это была, по-видимому, диспетчерская или комната мастеров. Серега лежал на пыльном полу, на боку, подтянув колени к подбородку, а под ним растекалась матово блестящая темно-красная лужа. Кровь! – вспыхнуло в голове Матвея. Колени от ужаса подогнулись и он, отложив биту, опустился рядом. Подсунул руку под щеку Сереги и повернул к себе бескровное лицо. Тихо и беспомощно прошептал.

– Как же так... Серый...

Неожиданно Серега открыл наполненные болью глаза и тихо произнес, с трудом разлепив спекшиеся губы:

– Сумка... в... НВД... беги! Это бандиты...

Глаза его закатились, и голова бессильно свесилась. Матвей в отчаянии начал тормошить друга, тихо причитая.

– Серег! Ты чё? Серый... Я... сейчас, Серый! Я в больницу, потерпи, друг...

Внезапно над головой Матвея раздался удивленный голос:

– А ты кто еще такой?

Матвей в испуге резко оглянулся. В проеме двери стоял крайне изумленный главарь. Несколько долгих секунд они ошарашено смотрели друг на друга. В это время из цеха раздался встревоженный крик крепыша:

– Кожух! Там еще машина! Кто-то здесь еще есть!

Понимание возникло на лице главаря, и он тонко усмехнулся. Слегка повернув голову, крикнул в ответ:

– Ага! И он как раз тут!

«Сейчас я тут лягу... вместе с Серым», – возникла и застыла гранитным надгробьем простая мысль. И вместе с ней в теле Матвея взорвалась адреналиновая бомба.

Неожиданно для себя самого, он схватил биту и со всей мочи саданул главаря торцом в живот. На лице главаря появилось удивление, и он со стоном сложился пополам. А Матвей тем временем, не останавливая движение биты, перевел ее в размах и с удовольствием, поразившим его самого, вляпал ее точно в лоб, появившемуся за спиной главаря Крепышу. Бита с отвратительным звуком соприкоснулась с его головой, отбросив крепыша назад.

Тяжело дыша, Матвей, держа обеими руками биту, стоял над двумя стонущими телами. Челюсть сводило от мышечного спазма, а мышцы просили дальнейшего движения. Ненависть туманила взгляд, и Матвей медленно занес биту над смотрящим на него снизу вверх главарем. Все было предопределено – и главарь понял, что Матвей сейчас его ударит и, возможно, убьет.

Понимал это и Матвей, но ничего не мог поделать со своим чувством – он мог, а главное хотел, сейчас убить этого человека. За смерть друга, за свой страх и за все то, что олицетворял собой этот бандит. Какая-то коллективная родовая память заставляла его совершить самосуд, защищая устоявшийся уклад. Это был враг, покушающийся на все то, что общество строило с таким трудом. А врага требовалось уничтожить!

Главарь отвел глаза, и Матвей перехватил биту для последнего удара. В это время из глубины цеха раздался голос Николая.

Матвей мгновенно покрылся холодным потом – он забыл про третьего! Бита выпала из ослабевших пальцев, при этом все же попав главарю в голову, и Матвей поддался второму постулату выживания – бежать, спасая свою шкуру.

Он метнулся к выходу, перескочив через слабо шевелящегося крепыша, долю секунды поколебался и развернулся вправо. Инстинкт требовал поиска укрытия, и Матвей побежал в глубь цеха. Обогнув здание, он неожиданно уперся в большой металлический шкаф, покрашенный облупившейся синей краской. Поверх нее был прикреплен, столь же облупленный металлический указатель с надписью – «ОСТОРОЖНО! Насос высокого давления».

«НВД! – взорвалась в голове шальная мысль, – Серый говорил о НВД, а это и есть – насос высокого давления!» Не отдавая себе отчета, он потянул за дверцу и в руки ему упала небольшая, но очень плотно набитая спортивная сумка.

Он взял ее за ручки, выпрямился и тотчас рядом с головой Матвея, в шкаф с диким звоном впиалась пуля!

Оглушенный Матвей ошалело развернулся и увидел стоящего на углу здания Николая. Их разделяло метров двенадцать, и Матвей с четкостью разглядел и беспощадные глаза Николая, и дуло пистолета, направленного на него. Матвей прижал сумку к груди и зажмурил глаза, ожидая выстрела и неминуемой смерти.

Раздался сухой щелчок, Матвей приоткрыл один глаз. Николай недоуменно смотрел на пистолет в своей руке. Затем жестко усмехнулся, снова направил пистолет на Матвея и, совершенно неожиданно для него сделал губами звук, имитирующий выстрел:

– П-ф!

Затем опустил ствол и спокойно посмотрел на Матвея. В его глазах не было никаких особых чувств – только любопытство профессионала. Он был убийцей, но убивал только по мере «производственной» необходимости. Сейчас, из-за глупой осечки, у жертвы появился шанс – а это было гораздо интересней!

Все это вихрем промелькнуло в голове Матвея, оставив только одну здравую мысль – он жив и убийца пока не будет его убивать. Мгновенно развернувшись, он, так и не выпуская сумку из рук, рванул вглубь цеха. Николай несколько секунд смотрел ему вслед, затем жестко усмехнулся и пошел помогать своим пострадавшим подельникам.

Глава 4

«Бежать! Бежать и не останавливаться!» – мысль взбесившимся метрономом билась в голове Матвея. И он бежал, бежал так, как не бегал никогда в жизни. Модные, но совсем неудобные туфли подворачивались на многочисленных обломках бетона и кусках кирпича, он поскользнулся на каких-то мерзких ошметках, цеплялся за косяки многочисленных проемов и дверей – но бежал. Глаза цепко глядели вперед, легкие исправно прокачивали затхлый воздух, ноги поршнями толкали тело вперед. Весь организм Матвея сейчас работал в единой связке, подчиняясь одной цели – спастись.

По нему стреляли! Это было невероятно. Мог ли он этим утром предполагать, что к вечеру будет нестись запутанными коридорами заброшенного завода спасая свою жизнь? Он, никогда в жизни не участвующий в каких-либо криминальных событиях? Не имеющий ни одного привода в милицию и ни разу не участвующий в каких-либо драках?

Матвей всегда гордился своим умением обходить острые углы в общении. В школе, еще сопливыми пацанами они, бывало, и отстаивали свое мнение кулаками, но, сколько помнил себя Матвей, лично он старался избегать ситуаций, приводящих к рукоприкладству. Достаточно умный, он умел выбирать и, что немаловажно, привязывать к себе таких друзей, дружба с которыми надежно защищала его от посягательств.

Так и жил он, переходя из класса в класс в школе, а затем из курса на курс в институте, постоянно лавируя в поисках компромисса. И достиг в этом практического совершенства.

С годами это превратилось в навязчивую фобию – как бы кого не обидеть, не задеть нечаянно. Он понимал, что трусоват и, как ни странно, это понимание облегчало ему жизнь – там, где иной пытался пробить головой стену, доказывая свою отвагу, он, зная истоки такого поведения, находил способ достичь желаемого другим путем.

К сожалению, жизнь в школе и в институте почти не готовит молодого человека к встрече с жесткой правдой жизни – то, что кажется милой чертой добропорядочного и миролюбивого юноши, в реалиях нашего жестокого мира, с его требованиями стайного поведения, превращается в слабость.

Для него это проявлялось всегда одинаково... Как только требовалось проявить жесткость, силу воли – он терялся и уходил в себя. Конечно потом, задним числом он находил и нужные слова, и нужную линию поведения, но всегда было уже поздно. В семье было так же – через несколько лет тесть и жена подмяли под себя остатки матвеевской альфости, и он во всем довольствовался соглашательской позицией.

Вот и сейчас, слыша за собой топот преследователей, он в панике неся по разрушенному заводу, полностью подчиненный одному чувству – спастись любой ценой. И даже его такая блистательная контраатака, была, в сущности, актом отчаяния, результатом действия первобытных рефлексов.

Матвей пробежался по какому-то деревянному трапу и попал в проем очередного здания в здании. Наверх вела бетонная лестница без перил и он, не задумываясь ни на секунду, рванул по ней. Тяжелая сумка все время неловко была в бок, но в его голове не было даже мысли избавиться от нее. К сожалению, Матвей был еще и гиперответственен...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.